

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДИСПУТЫ В МОСКВЕ В 1923 ГОДУ

Одной из особенностей религиозной жизни Москвы 1920-х гг. являлись религиозные диспуты, проходившие в больших московских залах – Консерватории, Политехническом музее, театре Зимина и других, – собиравшие большое количество слушателей и участников. Первое время эти диспуты поднимали вопросы существования религии и велись в основном между верующими и атеистами, причем со стороны атеистов часто выступали такие видные деятели советской власти, как Луначарский, Шпицберг и другие. Но со второй половины 1922 г., когда возникло обновленческое движение, подобные диспуты-споры начали проводиться и между противостоящими церковными группами, – как их называли – «тихоновцами» и «живцами». Власти активно поддерживали в то время обновленчество и раскол в Церкви, поэтому обычно подобные диспуты оканчивались для православных, «тихоновцев», тюремным заключением или ссылкой, под надуманным обвинением в «контрреволюции».

Особенный накал приобрели подобные диспуты во второй половине 1923 г., после освобождения Святейшего Патриарха Тихона из заключения. О том, как относились власти к подобным диспутам достаточно подробно описано в статье Д. Сафонова «Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г.»¹, которая представляет большой и интересный материал, отражающий позицию органов ГПУ.

Мы предлагаем материалы авторов, которые непосредственно присутствовали на этих диспутах и оставили свои воспоминания об этих безусловно интересных событиях в жизни церковной Москвы. Один из них, Н.П. Розанов, известен по своей публикации «Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последние пятидесятилетие перед революцией»². В Отделе Рукописей Государственной Российской библиотеки в фонде Н.П. Розанова хранится публикуемая ниже статья. Вторая статья является воспоминанием М.Е. Губонина, лично знавшего Владыку Илариона (Троицкого) и присутствовавшего на его публичных выступлениях.

Публикация и комментарии Н.А. Кривошеевой

1925*

31 июля в большом зале Консерватории состоялся диспут на тему: «Раскаяние Тихона — кто такое** Тихон: патриарх или самозванец — за кем пойдет народ: за Тихоном или за обновленцами и собором». На диспут были приглашены петербургским антрепренером: архиепископ Крутицкий Александр Введенский³ в качестве докладчика (от обновленцев) и епископы Серафим Чичагов⁴ и Иларион Троицкий⁵, также архиепископ Крутицкий (назначенный Тихоном) в качестве защитников Тихона.

Билеты на диспут были расхвачены чрезвычайно скоро, хотя они были расценены чрезвычайно дорого: первые места (девять рядов) дороже 150 рублей и самые верхние — до 20 р[ублей]. Уже в восемь часов (диспут был назначен в 9 часов) большая толпа не доставших билеты стояла в вестибюле Консерватории, дожидаясь выдачи хотя бы каких-либо входных билетов, которые, однако, не были выданы, почему в течении долгого времени после начала диспута из вестибюля доносились в залу крики просившейся в залу массы, не получившей билеты.

В зале все было полно. Публика, по-видимому, принадлежала к буржуазии по преимуществу. Духовенства совсем не было заметно: наши батюшки не любят платить большие деньги за слушание лекций... Кроме того, и вообще, большинство их относится отрицательно — по крайней мере в настоящее время — к обновленческому движению и по бывшим уже примерам вполне основательно не доверяют обещаниям афиш о выступлении Тихоновских епископов на диспутах с обновленцами. По возрасту преобладали в публике люди пожилые — молодежи совсем не было видно. Отметить нужно еще, что пред началом диспута не велось никаких разговоров в публике: по-видимому, сошлись все люди незнакомые между собою, чего, заметим, не наблюдалось в прежние дореволюционные годы, когда на диспуты и беседы всюду собиралась «своя» публика, которая пред беседою и в антрактах всегда вела оживленный обмен замечаниями разного рода.

Диспут начался с запозданием на 25 минут. Вышел о. Введенский с организатором диспута, который и «предоставил слово» о. Введенскому. Но лишь только о. Введенский открыл рот и начал говорить, как с мест тотчас начались крики, в которых слышалось требование, чтобы на диспуте была предоставлена и другая сторона, и делались запросы, почему не участвует в диспуте епископ Иларион. Учредитель диспута и

* Дата проставлена карандашом; она не верна, т. к. описываемые события относятся к 1923 г., когда проходили упоминаемые в статье диспуты.

** Так в тексте.

о. Введенский пытались несколько раз обращаться к публике с разъяснениями по поводу отсутствия Илариона и Серафима⁶, но им не давали говорить и даже требовали обратно денег. Один из сидевших в амфитеатре предложил отложить диспут до другого раза с сохранением права для купивших билеты на настоящий день войти с ними на диспут и в новый день, но председатель диспута т. Новиков⁷ заявил, что этого сделать ни в коем случае нельзя и, что диспут все равно должен состояться и без Илариона. Тогда было сделано предложение выдвинуть вместо Илариона некоего архимандрита Евгения⁸ в качестве защитника интересов Тихона, но и это предложение не помогло делу: архимандрит Евгений, выйдя на эстраду заявил, что он восхищен поведением публики — громкие аплодисменты последовали за этим заявлением, — но, как покорный сын Патриарха, он, не испросив его благословения, не может выступить в качестве докладчика. Председатель и о. Введенский тогда предложили записаться в качестве диспутантов всем желающим, высказывая уверенность, что должны же найтись среди Тихоновцев «словесные» люди... Тогда началась подача записок, а о. Введенский опять «получил слово» на этот раз уже от председателя — товарища Новикова. Однако зала не успокоилась, и в ответ на разные выкрики о. Введенского, которому приходилось до крайности напрягать свой очень тонкий голос, слышались постоянно окрики и выражения, положительно не дававшие ему возможности сосредоточиться и даже заставлявшие его вовсе прервать свою речь и садиться за стол, пока председатель «унимал» разбушевавшуюся публику, причем ему помогали милицейские и какие-то молодые люди в пиджаках, замечавшие наиболее ярых протестантов и выводившие их из зала, по поводу чего публика снова протестовала.

Как никак, однако, о. Введенскому удалось высказать сущность своих взглядов на раскаяние Тихона. По его мнению, раскаяние Тихона не имеет значения, потому что он раз уже солгал, именно в то время, когда анафематствовал большевиков, которых теперь признает как правительство. Он лжет и теперь, его покаянию нельзя доверять. Он самозванец, похитивший право священнослужения, какого он был лишен собором [19]23 года.

Когда было предоставлено слово оппонентам Введенского, выступил прежде всего некто Потоцкий, который заявил, что Иларион не прибыл на диспут потому, что служит всюнощную, и благословил его, Потоцкого, сказать то, что Бог ему на сердце положит. Потоцкий объявил, что он не будет прибегать к каким-либо научным доказательствам виновности живоцерковников, а только укажет на то, что они не имели права созывать собор. Тихон поручил им только пере-

дать «дела», т. е. канцелярию его заместителю Агафангелу⁹, а они присвоили себе и высшую церковную власть. Укравши же власть, они потеряли благодать священства и стали простыми гражданами, и никакого права созывать собор не имели. «Скажите, гражданин Введенский, — закончил свою речь Потоцкий, — во скольких церквях Москвы теперь вас допустят служить?» Речь Потоцкого восторженно была принята всею публикой. Затем говорились речи другими ораторами, в том числе рабочими, но они не имели кажется особого успеха, по словам слышавших (я сам ушел после речи одного рабочего).

На повторении диспута 3 августа народу было уже немного, притом были даже некоторые юные коммунисты, сидевшие в первых рядах... Я слышал речь протоиерея Красотина¹⁰, доказывающего, что он всегда был на стороне рабочего класса и обновления церкви, и что поэтому ему в течении 18 лет священствования не давали никаких наград. Он ругал слушателей, стоявших за Тихона «стадом», говорил, что если их много, то это еще не значит, что на их стороне правда, т. е. глас народа никогда не был гласом Божиим (пример — толпа иудеев, требовавшая казни Христа и освобождение разбойника)... Далее говорил коммунист Соловьев, доказывавший, что покаянию Тихона и переходу духовенства на советскую платформу верить нельзя... В заключение Введенский снова указал на то, что если за Тихоном идет большинство в Москве, то это не важно, так как голос народа в средние века назывался даже иногда голосом дьявола. Но в противоречие с самим собою Введенский в свою защиту дальше указал на то, что вся провинция не меньше 90% идет за обновленцами и стоит против Тихона.

Диспут закончился сравнительно при незначительном числе публики, так как многие ушли еще во время речи Введенского, причем шум, ими произведенный при выходе, побудил одного молодого коммуниста обругать их «лошадьми», на что соседи коммуниста не преминули огрызнуться...

Прямое столкновение представителя Тихоновской церкви — архиепископа Илариона с живоцерковниками произошло дважды в Политехническом музее в сентябре — октябре м[есяце]. Первый раз Иларион выступал на лекции митрополита Костромского Серафима¹¹, критиковавшего Тихона и вообще старую Православную Церковь. (Сам Серафим принадлежит к Живой церкви.) На этот раз Иларион, встреченный аплодисментами аудитории, наполнившей, очевидно, в виду его выступления, всю залу Музея, резко и определенно заявил, что Серафим не дал решительно никакого ответа на предъявленные Иларионом обвинения к Живой церкви. При этом Иларион высказал, что православные епископы не могут иметь никакого общения с живоцерковниками, как

с разрушителями самой идеи Церкви — искажающими церковную иерархию поставлением в архиереи лиц, не имеющих по канонам права быть архиереями. В согласии с Иларионом говорили против Серафима и Живой церкви и некоторые другие ораторы, причем один из последних, говоривший с большим подъемом и живым юмором, так раздражил докладчика, что тот назвал его мальчишкой, который не умеет обращаться с такими почтенными учеными, как Серафим, которого книга о пророке Валааме переведена была даже на английский язык и который при Николае за либерализм был даже уволен в отставку.. Илариону же Серафим все твердил о том, что собор [19]23 года¹² совершенно справедливо лишил сана Тихона, «как убийцу», потому что он своим посланием о невыдаче церковных ценностей на голодающих, вызвал кровопролитные столкновения в разных местах и был прямым виновником тех казней, какие постигли контрреволюционных архиереев и священников, протестовавших против отобрания ценностей из церквей. Но Иларион не дождался заключительного слова Серафима, и это обвинение против Тихона осталось не рассмотренным. Публика же была на стороне Православной Церкви, и всякое выступление живоцерковников сопровождалось протестами со стороны аудитории, часто прерывавшей ораторов или смехом или какими-нибудь нелестными восклицаниями, что в особенности пало на долю выступившего со своими обвинениями против Тихона б[ывшего] обер-прокурора Синода — Львова¹³.

В другой раз архиепископ Иларион выступил оппонентом архиепископу Александру (Введенскому), причем курьезным было то, что оба противника оказались архиепископами одной и той же кафедры — «архиепископы Крутицкие»... После речи Александра, говорившего с обычным для него пафосом и выкрикиваниями и старавшегося доказать, что Русской Церкви остается идти только туда, к тем высям, какие ей указывают живоцерковники и что в этом только ее спасение, Иларион с документами в руках разъяснил, что эти «выси» на самом деле очень низменны: живоцерковники прежде всего в своих резолюциях предлагают духовенству захватить в свои руки церковные кассы, потому что, как говорят они, вся сила именно в денежных средствах, — кто имеет их в руках тому принадлежит и власть в Церкви. [«]Поэтому-то, — говорил Иларион, — живоцерковники с необыкновенной живостью постарались захватить в свои руки такие источники доходов, как часовни Иверскую и др., и кладбища (хотя сами они идут против почитания чудотворных икон, как против суеверия)[»]. Разъяснил Иларион и так называемую контрреволюцию Тихона. По его представлению, то отлучение¹⁴, какое составлено Тихо-

ном в 1918 г., направлено вовсе не против Советской власти как таковой, а против тех, кто позволял себе самовольно проливать кровь, вопреки уже изданной Советской конституции, которая признала свободу как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды. Отлучение имело смысл только именно по отношению к той смутной эпохе, когда принципы Советской конституции еще не вошли в жизнь повсюду и когда действительно совершалось много произвольных актов на местах по отношению к Православной Церкви... Отрицал Иларион и собор [19]23 года, как созданный не имевшими на то право лицами и незаконный по своему составу (женатые епископы, не получившие притом правильного посвящения). В заключение Иларион заявил, что он причастится скорее с коммунистом, чем с живоцерковником, и это было как бы ответом на заявление председателя диспута и секретаря Священного Синода¹⁵ Новикова о том, что Иларион вместе с другими архиереями приходил ночью (из боязни своих) в Синод и вел там переговоры о примирении с живоцерковниками и об отправлении Тихона на житье в какой-нибудь отдаленный монастырь (этого заявления Иларион не смог своевременно опровергнуть, так как оно было сделано Новиковым уже по уходе Илариона)... В общем сочувствие аудитории опять было на стороне Илариона и Православной Церкви, а представители Живой церкви сидели как оплеванные...

Таким образом, церковные диспуты выявили всю глубину той пропасти, которая образовалась между Православной и Живой церковью. Это же выяснилось на отдельных лекциях, не сопровождавшихся диспутами, Антонина¹⁶ и Илариона. На этих лекциях было сказано кажется все, что можно сказать за и против как Патриарха, так и живоцерковников, причем нужно заметить, что последних очень громил и антагонист Тихона — Антонин, выступавший со своей лекцией в театре бывшего Зимина*. Было пущено в ход все — и справки с историческими документами, и слухи (здесь пальму первенства стяжал Антонин, информировавший аудиторию о разных пикантных подробностях жизни живоцерковников), и философские соображения, и государственные пользы, и «глас народа», и прочее и прочее. Спорщики заходили иногда очень далеко во взаимных обвинениях, и при этом сами, обвиняя, становились в положение, если не обвиняемых, то прямо в смешное положение (Львов, защищавший права крестьян против помещиков, и Серафим¹⁷, обвинявший Тихона за то, что он только пошутил над протодиаконом, танцевавшим на парохоме польку с генералом, а не наказал его и др.). Словом, диспу-

---

* Так в тексте.

ты эти не представляли собою чего-нибудь серьезного, напоминающего ученые диспуты в университетах и академиях, а были сражением «улицы» во всей ее непривлекательности...

Для истории церковного раскола следует упомянуть и о лекциях, прочитанных в последнее время в Москве на эту тему, — лекциях, не сопровождавшихся диспутами. Тут прежде всего надо сказать о лекциях архиепископа Илариона в Политехническом музее, которая была им прочитана два раза, т. к. в первый раз аудитория не могла вместить всех желающих услышать Илариона. На лекции, как оказалось, было огромное большинство сочувствующих Илариону, которые очень горячо принимали его. Оратор, можно сказать, и вполне заслужил одобрение аудитории своими убедительными и ясными разоблачениями Живой церкви, которой собственно и занялся Иларион в своем обширном двухчасовом с лишком докладе.

Он же с документами в руках вполне ясно показал, что живоцерковники, взявшие для передачи «дела» канцелярии Патриарха, явились настоящими узурпаторами, захватившими в свои руки не предоставленную им власть управлять церковью. Затем на лекции Иларион подробно и обстоятельно развил те доводы, какие высказывались им против живоцерковников на диспутах.

На лекции митрополита Антонина опять главным образом разоблачались живоцерковники, причем сообщались разные довольно пикантные подробности их жизни. Что касается Тихона, то Антонин признавал, на основании исторических параллелей, что советская власть совершенно справедливо его покарала и что он должен бы сам сложить с себя сан Патриарха после всего произошедшего по его вине в России...

На лекции Бобрищева-Пушкина¹⁸ (сменовеховец) «Церковь дыбом» народу было чрезвычайно мало, да, собственно говоря, и слушать было нечего, так как он ничего о современном расколе и не сказал, ограничившись историей так называемой отрицательной критики Евангелий, так как, по его мнению, в современной Русской Церкви отражается именно веяние этой критики...

Были еще некоторые лекции на тему о церковном расколе — бывшего священника Калиновского¹⁹, Рейснера²⁰ и др., но мы на этих лекциях не присутствовали и поэтому сказать о них ничего не можем.

Н. Розанов

РОЛЬ АРХИЕПИСКОПА ИЛАРИОНА (ТРОИЦКОГО) В СОКРУШЕНИИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО» ОБНОВЛЕНЧЕСТВА

Прежде всего, необходимо отметить роль архиепископа Илариона (Троицкого) в сокрушении „идеологического» обновленчества. Церковные диспуты архиепископа Илариона сыграли в этом отношении колоссальную положительную роль. Вся церковная (и отчасти антирелигиозная) Москва устремлялись на них, но лишь незначительная часть желающих могла попасть в переполненные залы Московской консерватории, театра Зимина или в большую аудиторию Политехнического музея – где обычно происходили эти диспуты.

Поначалу Е.А. Тучков видно надеялся на истерическое краснобайство А.В. Введенского, на его демагогическую наглость и фиглярские ухватки митингового оратора, – помогавшие ему иногда в полемических спорах с провинциальными батюшками.

Но когда в качестве оппонента на трибуне появлялась обаятельная и величественная фигура владыки Илариона, – картина резко менялась и, конечно, не в пользу обновленческого авантюриста, одна физиономия которого с парикмахерским чубом и «макс-линдерскими» усиками вызывала вполне естественное отвращение у верующего народа.

Выступления владыки Илариона по своему внешнему характеру бывали чрезвычайно просты, серьезны и исполнены величайшего внутреннего – какого-то органического – достоинства, благодаря чему слова его речи, правдивой, умной и ясной, приобретали особую убедительность и непререкаемость у слушателей, а все квазинаучные построения докладчика – Введенского, старавшегося «и рассказом и показом» донести их до сознания и сочувственного восприятия аудитории, после того как их спокойно и просто освещал и вскрывал оппонент – архиепископ Иларион, – летели кувырком к невообразимому восторгу слушателей, тут же устраивавших своему любимому владыке восторженные и бурные овации.

В такие моменты положение А.В. Введенского становилось, поистине, жалким и – думаю – не одному мне хотелось крикнуть ему тогда: – Трудно прать тебе против рожна! Куда ты лезешь, паяц!?!..

Но проходило некоторое время и объявлялся следующий, очередной диспут «митрополита» Введенского, на который опять приглашался оппонентом архиепископ Иларион.

И – опять та же картина!

Полемика эта длилась довольно долго, но затем, в «соответствующих инстанциях», по-видимому, поняли, что вместо обещанного Введенским «разгрома тихоновщины» получается обратная

картина — «разгрома обновленчества», и церковные диспуты были прекращены...

М.Е. Губонин

Архив ПСТГУ. Фонд М.Е. Губонина. Подлинник. Машинопись.

КОММЕНТАРИИ

¹ Альфа и Омега. М., 2005. № 2 (43). С. 166—184.

² Ученые записки. Вып. 6. М.: Индрик, 2000. Там же дана и краткая биография Н.П. Розанова (1857—1941) — после окончания Московской Духовной академии преподаватель Московской Духовной семинарии, секретарь Общества любителей духовного просвещения. В 1917 г. редактор «Московских епархиальных ведомостей», член Союза духовенства и мирян Москвы.

³ Введенский Александр Иванович (1889—1946), протоиерей Петроградской епархии. В 1922 г. — инициатор и активный участник обновленческого раскола. 28 мая 1922 г. был запрещен в священнослужении митрополитом Вениамином (Казанским). Участник обновленческого собора 1923 г., лидер и организатор группы «Союз общин Древле-апостольской церкви» (СОДАЦ). Член обновленческих высших органов управления: ВЦУ, ВЦС, Синода. С 1923 г. «епископ», в 1923—1924 гг. «архиепископ Крутицкий», управляющий обновленческой Московской епархией. В 1924—1940 гг. «митрополит». С его кончиной официальное и организованное обновленчество прекратило свое существование.

⁴ Серафим (Чичагов Леонид Михайлович; 1856—1937), священномученик, митрополит.

⁵ Иларион (Троицкий Владимир Алексевич, 1886—1929), священномученик, архиепископ Верейский. В 1923 г. управляющий Московской епархией, но титула «Крутицкий» не имел.

⁶ Д. Сафонов в упоминаемой статье (Альфа и Омега. М., 2005. № 2 (43)) пишет: «Однако прибыть на диспут архиепископ Иларион не мог, или, что более вероятно, не был допущен». В советской печати, в частности, в газете «Безбожник» (август 1923 г., заметка М. Горева «Размышления после религиозного диспута»), говорилось, что на диспуте Потоцкий заявил, что «он будто случайно встретился с одним из “столпов” тихоновской церкви, епископом Иларионом, который сказал, что сам-де выступить не сможет, так как занят “молением Серафиму за Русь”, и благословил выступить вместо себя Потоцкого». Д. Сафонов не обратил внимания на дату проведения диспута, 31 июля, канун празднования прославления Серафима (Саровского), естественно, что и Владыка Иларион и митрополит Серафим (Чичагов) участвовали в праздничных всенощных, поэтому и не пришли на диспут, все-таки главной задачей Владыки Илариона было служение у алтаря, а потом все остальное.

⁷ Новиков (Айзенштейн) А. И., управляющий делами обновленческого Священного Синода.

⁸ Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич, 1892—1937), архимандрит, впоследствии епископ Ростовский. Неоднократно арестовывался, был расстрелян 22 ноября 1937 г. в Чимкенте.

⁹ Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич, 1854—1928), священноисповедник, митрополит Ярославский.

¹⁰ Красотин П.Н., обновленческий протоиерей, член ВЦУ, член обновленческого синода.

¹¹ Серафим (Мещеряков Яков Михайлович, 1860—1933), митрополит. В 1922—1924 гг. примыкал к обновленцам. После принесения покаяния Святейшему Патриарху Тихону, был сразу же арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1932—1933 гг. митрополит Ставропольский и Кавказский. Расстрелян 7 мая 1933 года.

¹² Имеется в виду лжесобор, собранный обновленцами в мае 1923 г., и целиком контролируемый ГПУ, на котором незаконно был лишен сана Патриарх Тихон.

¹³ Львов Владимир Николаевич (1872—1934), последний обер-прокурор Святейшего Синода. В 1920 г. эмигрировал, в 1922 г. вернулся в Россию. Входил в группу «Живая церковь», активно участвовал в обновленческом движении.

¹⁴ Имеется в виду послание Патриарха Тихона от 19 января (1 февраля) 1918 г., об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной.

¹⁵ Имеется в виду обновленческий Священный Синод Российской Православной Церкви.

¹⁶ Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865—1927), обновленческий «митрополит», с апреля-мая 1922 г. один из лидеров обновленчества, первый обновленческий архиерей, председатель ВЦУ, создатель «Союза церковного возрождения». В июне 1923 г. уволен с поста председателя ВЦУ, в октябре 1923 г. лишен сана обновленческим Синодом.

¹⁷ Митрополит Серафим (Мещеряков).

¹⁸ Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875—1937), петроградский адвокат. С 1920 г. в эмиграции, «сменовеховец», в 1923 г. вернулся в Россию. В 1923 г. был назначен защитником на несостоявшемся процессе над Патриархом Тихоном. 10 января 1935 г. арестован и приговорен к расстрелу, который был заменен на 10 лет заключения на Соловках, 3 октября 1937 г. вновь приговорен к расстрелу и расстрелян.

¹⁹ Калиновский Сергей Владимирович (1886—1930-е), священник, один из идеологов обновленческого раскола. В 1922 г. снял с себя сан, с 1923 г. на антирелигиозной работе.

²⁰ Рейснер Михаил Андреевич (1868—1928), один из авторов декрета об отделении Церкви от государства. Сотрудник Наркопроса и Наркомюста.

Религиозные диспуты в Москве в 1923 году

RELIGIOUS DEBATE IN MOSCOW IN 1923

This publication is devoted to previously unknown memoirs of contemporaries about religious debate in Moscow in 1923 and the participation of Saint priest and martyr Hillarion (Troitskiy) in it. (Publication and commentaries by N.A. Krivosheeva.)